

H a j d ú Péter, Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai), Budapest 1966. 180 стр.

В последние годы значительно вырос интерес к финно-угорским исследованиям, результатом серьезной работы в этой области стали новые произведения. Наряду с книгами П. Хайду (P. Hajdú, *Finnugor népek és nyelvek*, Budapest 1962) и Т. Вуорела (T. Vuorela, *Suomensukuiset kansat*, Helsinki 1960) о финно-угорских народах и языках на основе новых сведений и изданием «Финно-угорские и самодийские языки» (= Языки народов СССР III, Москва 1966), особенно важны современные синтезы финно-угорского сравнительного языкознания. Среди значительных работ этого плана, разных по характеру, целям и построению, выделяются труды Б. Коллиндера (B. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Stockholm 1960), Д. Дечи (Gy. Décsy, *Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Wiesbaden 1965) и рецензируемая книга. И. Синней в 1927 году издал книгу «Magyar nyelvhasználtás» (Budapest). С того времени работа П. Хайду — первый специальный учебник, который суммирует с точки зрения венгерского языка самые важные достижения финно-угорской лингвистики. Учитывая новые материалы, накопленные в большом количестве монографий и очерков последнего периода, и выводы общей лингвистики и вспомогательных дисциплин, П. Хайду написал интересную и своеобразную обобщающую работу.

Его книга состоит из четырех глав: 1. Уральские народы, их происхождение; 2. Предмет и метод уралолистики; 3. Праязык; 4. Сравнительное изучение венгерского языка. Кроме того, книга содержит «Справочник» с замечаниями автора по изучению работы, затем следует раздел о транскрипции, расшифровка сокращенных названий языков и диалектов, а также использованной литературы. Венгерский, мансийский, хантыйский, коми, удмуртский, марийский, мордовский, эстонский, финский, саамский и самодийский указатели заключают работу.

Имея дело с учебником, автор стремился в первую очередь дать уже принятые положения, но не чуждался и дискуссионных, во многих случаях он приводит

убедительные аргументы из своих предыдущих исследований. Из-за чрезвычайно большого количества технических терминов, формул, таблиц и цифр учебник труден для студентов, но для лингвиста это «Введение» с его обширной библиографией незаменимо.

Первая глава начинается изложением более общих положений. Самодийские языки, которые также входят в круг исследования, открывают хорошие перспективы для сравнительного языкознания: изучая их, можно проследить с более ранних времен производные праязыка (PU), предшествующего финно-угорскому (PFU) (1.1).¹ После рассмотрения различных теорий о местонахождении уральской прародины (М. А. Кастрен, Ф. И. Видеман, Э. Мольнар, Э. Итконен, А. И. Йоки, Д. Ласло) автор излагает свою точку зрения. По его мнению, она находилась на границе западной части сибирской тайги и восточной части средневропейских смешанных лесов, так как названия деревьев тайги найдены и в уральском праязыке и в финно-угорском. Его мнение поддерживает и В. Чернецов на основе своих археологических раскопок этого края (1.3). Автор высказывается также по сложному вопросу о хронологии передвижения уральских народов и приводит результаты фитогеографии, исследования заимствованных слов, данные археологии, глоттохронологии, использует даже радиоуглеродный метод и предполагает, что совместное проживание уральских народов закончилось между VI и VII тысячелетиями до н. э. (1.4).

В начале следующей главы указаны задачи уральского языкознания. Традиционная финно-угорская лингвистика ограничивалась исследованиями сравнительного и исторического характера. Автор вполне обоснованно дает новые положения, способствующие развитию науки, расширяет изучаемые области. Он определяет тематику уралолистики следующим образом:

¹ Цифры (1.1, 1.2 и т. д.) обозначают главы и разделы работы. Сокращения PU, PFU — символы из работы П. Хайду: PU — уральский праязык, PFU — финно-угорский праязык.

а) изучение уральских языков с точки зрения описания; б) использование типологических методов в сравнении уральских языков между собой и с другими языками; в) исследование самостоятельных исторических эпох уральских языков; г) сравнительное изучение родственных языков и диалектов с целью лучшего ознакомления с уральским языковым родством; д) палеолингвистические исследования, относящиеся к преуральской эпохе; е) исследования прикладной лингвистики в области уральских языков (2.1). В дальнейшем П. Хайду подробно рассматривает каждый пункт программы, убедительно доказывает необходимость использования новых положений. Он прослеживает возможности сравнительного изучения языков, говорит о причинах и типах языковых изменений. По его окончательному определению, два важных фактора играют роль в языковых изменениях: аналогия и фонетические изменения (2.5).

В начале третьей главы автор определяет праязык, не делая резких различий между уральским праязыком (ПУ) и финно-угорским (PFU) (3.1). Далее обсуждается звуковая система праязыка, начиная с консонантизма. Обзор истории этой проблемы дан кратко, упоминается деятельность И. Халаса, Й. Синнен, Х. Паасонена, В. Штейнитца, Б. Коллиндера, Д. Лако (3.11.1), затем намечается система консонантов. Автор выделяет 20 согласных: *p, t, k, m, n, ñ, ŋ, č, č̣, w, δ, s, š, ś, δ', j, γ, l, r, ḷ*. В начале слова сочетаний согласных не было, в середине же встречались некоторые характерные сочетания (например, *tr, nt, nk, nč, ñč* и др.) (3.11.11). Реконструкция вокализма — более сложная задача. Ее пытались решить Б. Мункачи, А. Генец, Т. Лехтисало, В. Штейнитц, Э. Итконен (3.11.2). Взгляды Итконена и Штейнитца по этому вопросу — прямо противоположны; Коллиндер пытался приблизить друг к другу их теории. По этому вопросу П. Хайду высказывает и свое мнение: 1. Отправная точка этих двух теорий — произвольная (их консерватизм спорен в отношении финского, хантыйского и марийского языков). 2. Парадигматические изменения нельзя возводить к праязыку, более целесообразно учитывать звуковое окружение данных языков. 3. Авторы теорий не учи-

тывают в достаточной мере результаты исторической фонетики отдельных языков: Штейнитц опирается только на восточные, Итконен главным образом — на западные финно-угорские языки. Система Штейнитца более обширна, но понятие «редуцированности» у него тоже не выяснено. Л. Грузов на основе результатов экспериментальной фонетики расценивает это понятие как ошибочное. В двух системах есть и совпадения — обе предполагают существование 11 гласных в праязыке: (у Штейнитца — 8 полных, *ə, o, u, a, y, ä, e, i* и 3 редуцированных: *ÿ, ŷ, ı*; у Итконена — 4 долгих: *ō, ū, ē, ī* и 7 коротких: *a, o, u, ŷ, ä, e, i*).

Разработка исторической фонетики отдельных финно-угорских языков — более важная задача, чем стремление объединить две теории (3.11.21). Исследование вокализма второго слога затрудняется тем, что во многих финно-угорских языках в конечном положении этот гласный исчез. На основе прибалтийско-финских языков предполагается, что во втором слоге могли быть *a, ä* или независимо от гармонии гласных индифферентное *e* (3.11.22). Говоря о прозодических особенностях, П. Хайду констатирует, что праязык имел не морный, а силлабический характер, долгота в нем роли не играла, ударение не было зафиксировано и в связной речи могло перемещаться (3.11.3). Большинство слов праязыка были как минимум двусложными. По фонетическому строю они разделяются на четыре типа: 1. VCV, 2. VCCV, 3. CVCV, 4. CVCCV. Количество односложных слов было незначительным; они могли быть главным образом местоимениями и междометиями типа CV или V. Грамматические окончания вообще односложные (или асиллабические) и в связи с лексическими элементами дают трех- или пятисложные единицы.

Предполагая существование гармонии гласных, автор рисует структурные типы праязыка (3.12.1). Он отрицательно относится к изменению гласных (Ablaut) и согласных (чередование ступеней) с грамматическими последствиями (3.12.2). Лексические или свободные морфемы праязыка: имя (N), глагол (V), местоимение (P); грамматические или несвободные морфемы: суффикс (R), аф-

фикс (J) и формант (K) (3.13). Морфемы типа N и V были двух- или трех-сложными, типа P — односложными. Основная разница между категориями типа N и V в противоположность традиционному пониманию (категории времени и лица — разграничительные признаки) заключается в том, что к N (имени) не могли присоединяться модальные суффиксы, а к V (глаголу) — падежные окончания. Совпадение между этими частями речи — частное явление. (Например, венг. *fagy* может быть и N и V: *erösen fagy* (V) 'сильно морозит'; *erős fagy* (N) 'сильный мороз'). В самодийских и мордовских языках N, стоящий в предикативном положении, превращается в глагол без помощи суффикса. В праязыке число амбивалентных корней могло быть большим и генетическая связь между отыменными и отглагольными формантами — довольно частой. В категории типа P в праязыке могли быть известны личное, указательное, вопросительное местоимения. В единственном числе можно воспроизвести личные местоимения в форме **me*, **te*, **se*. Форма 3-го лица могла сформироваться из указательного и вопросительного местоимений. Другие части речи тоже могли существовать, например, некоторые N (имена) могли играть роль определения и, утвердившись в этой роли, стали прилагательными (3.13.11). 6 или 7 суффиксальных элементов уральских языков PU происходят из PFU: *n* (генитив), *na*, *nä* (локатив), *t* (локатив), *ta*, *tä* (аблатив), *n* (латив-датив), *k* (латив-датив). В последнее время большинство этих суффиксов вытесняется из употребления и уральское происхождение окончаний генитива и аккузатива оспаривается. По мнению П. Хайду, исчезновение *n*-генитива из некоторых языков объясняется его совпадением с *n*-локативом. По вопросу аккузатива автор, как и Б. Викман, предполагает существование неопозначенного, неуказанного и указанного, обозначенного звуком *m*, прямого дополнения. В противоположность Фокошу он не считает обстоятельство без окончания обязательно уральского происхождения (3.13.2). По поводу указания числа в праязыке П. Хайду принимает существование *t*-го окончания и также в косвенных падежах признак множественного числа — **j* (→*i*).

На основе обско-угорских, самодийских и саамских данных отмечается наличие двойственного числа (3.13.3). Лично-местоименное происхождение притяжательного признака обладателя, связанного с обладаемым (Px), рассматривается как доказанное, но разные способы присоединения притяжательного признака обладателя и падежных окончаний могут вызвать некоторые затруднения (например, венг. *háza-m-ban* 'в моем доме' 1-й Px, 2-й Cx; фин. *koda-ssa-ni* 1-й Cx, 2-й Px). В праязыке последовательность этих элементов могла быть произвольной или Cx + Px (3.13.4). Три наклонения глагола уже были известны в PU. Индикатив не отмечен, можно показать наличие кондиционального **nek* и следы императива **k* (3.13.5).

В противоположность мнениям венгерских лингвистов (А. Клемм, И. Беррар, Г. Барци) Хайду считает, что в праязыке могли быть глагольные времена. Глагольная система была развитой, так как с типологической точки зрения нельзя представить обширное склонение имен при примитивных, не указывающих на лицо глагольных категориях (3.13.6, 3.13.7). Что касается двух основных способов словообразования — словосложения и словопроизводства — автор констатирует, что показать в праязыке слова, такого происхождения трудно. Предполагается, что могло быть характерным словосложение типа суммирования (например, фин. *maailma*, где *maa* 'земля', *ilma* 'воздух', *maailma* 'мир'); богатой была система формантов: 20 согласных PU в разных комбинациях могли дать 80—100 формантов. Различить функции нелегко, в какой-то мере можно узнать только отглагольные имена и отыменные глаголы (3.13.8). По вопросу синтаксиса П. Хайду очень осторожно пишет следующее: 1) в праязыке вместе с подлежащим и сказуемым существовали и другие члены предложения; 2) элементы аналитического и синтетического построения предложения в равной мере существовали в нем; 3) сказуемое имело глагольный характер; 4) сказуемое, указывающее на подлежащее, помещалось в конце предложения; 5) подлежащее находилось в первой части предложения; 6) второстепенные члены предложения предшествовали главным (например, определение предшествовало опреде-

ляемому слову); 7) конгруэнция была, неизвестной (определение не согласовывалось с определяемым словом); 8) союзом не было, подчиненные предложения присоединялись без союза или превращались в причастные конструкции; 9) сложно-сочиненные предложения были без союзов и имели отдельные сказуемые; 10) не было конструкции *habeo*, ее заменяла глагол-связка + притяжательная конструкция; 11) после числительного имя стояло в единственном числе; 12) в отрицательных конструкциях использовались отрицательные глаголы; 13) в падежной системе было характерным тройное направление: *где? куда? откуда?* (3.2).

В отношении запаса слов П. Хайду прежде всего пишет об объеме его и на основе интересных вычислений из комбинации 20 согласных и ради простоты 10 гласных, учитывая определенные структуры (см. 13.12.1), сокращает огромное количество полученных вариаций с 882 000 до 8000, затем после некоторых рассуждений философского характера предполагает, что запас слов праязыка составлял приблизительно 20 000—25 000 словарных единиц. В словарном запасе, сгруппированном по семантике, значительное место занимают понятийные категории рыболовства, охоты, лесного быта, жилища, одежды, хозяйственных оборудований, счета, ориентировки, общества, анимизма, религиозной жизни с указанием венгерской формы (3.32). Показ заимствованных элементов в запасе слов праязыка проблематичен. Возникает много трудностей (например в лингвистической географии) при выяснении индоевропейских и уральских, тюркско-алтайских и уральских связей. По поводу юкагирских, эскимосских и чукотских отношений трудно установить направление заимствований (3.33). Толкование предуральских вопросов выходит за рамки сравнительного языкознания, но автор предполагает, что соприкосновение с другими языковыми семьями не было случайным и здесь можно подозревать старинное родство (например с юкагирскими языками). П. Хайду сообщает об остроумном методе А. Б. Долгопольского, в котором при исследовании этой проблемы использовано исчисление вероятностей (3.41). Говоря о происхождении грамматических категорий, П. Хайду более под-

робно останавливается на падежных окончаниях. По мнению П. Равила, Т. Э. Уотила, Й. Фаркаша, Д. Лако и Д. Фокоша, многие уральские падежные окончания агглютинировались или адаптировались из самостоятельных слов типа Р и N. Это объяснение часто выглядит неестественным, так как, как показал Э. Итконен, в начале этих окончаний часто бывают такие согласные (*p, r*), которые в начале местоимений неизвестны (3.42.1). Для общины, члены которой говорили на уральском праязыке, грамматическое оформление предикативного предложения — не новость (3.42.2).

Последняя и самая большая глава книги посвящена венгерскому языку. Она содержит сравнительно-историческую фонетику, сравнительную морфологию и излагает запас слов венгерского языка. Автор отмечает в указателе: «Основу учебника составляют вторая и третья главы. Четвертая глава посвящена историческим соотношениям праязыка и современного венгерского языка, т. е. доказательству его финно-угорского происхождения. Помимо изложения проблем, здесь приводится много примеров». Действительно, раздел исторической фонетики отличается от упомянутой работы Синнеи группировкой и новыми примерами. Вместе с трактатом Д. Лако «*A magyar hangállomány finnugor előzményei*» (1965) он дает самое современное суммирование этой проблемы. Уже на протяжении многих десятилетий между венгерскими и финно-угорскими лингвистами Венгрии идет дискуссия о толковании следов финно-угорского начального *k*, о происхождении начальных звонких смычных, о предполагаемых ранневенгерско-пермских отношениях. По этой проблеме последний высказался Г. Барци.² Сгруппированные примеры и некоторые замечания П. Хайду означают отказ от теории венгерских лингвистов. В современном венгерском языке имеется всего лишь 5 фонем (*c, dz, dzs, ty, zs*), которые даже в косвенной форме нельзя возвести к праязыку (4.23). Сравнительная морфология рассматривает венгерские суффиксы подряд. По ее конечному

² G. Bárczi, *Megjegyzések a finnugor szókezdő zárhangok magyar nyelvi fejlődéséhez*. — MNy 1967, стр. 8—14.

определению, члены падежной системы праязыка представлены в современных финно-угорских языках не в равной мере. Если какой-то язык имеет более одного члена, то другие пользуются только одним-единственным. В формировании современных венгерских суффиксов решающую роль играли первичные суффиксы (4.31.6). После рассмотрения происхождения и спорных проблем окончаний, обозначающих число существительных, время, наклонение и лицо глаголов в заключительной части главы дается несколько интересных замечаний о запасе слов. На основе строгого этимологического рассуждения число основных слов финно-угорского происхождения — 700—800, но при учете производных слов и группы слов

внутреннего сложения это количество сильно возрастает. На основе статистики частоты употребления слов и некоторых текстологических исследований количество старинных слов в текстах и в речи достигает 80% (4.4).

Для подробного реферирования богатого материала книги надо очень много места. Цель данной рецензии — осветить вопросы, которые интересуют большинство финно-угроведов, поэтому четвертой главе уделено меньше внимания. Книга профессора П. Хайду представляет большой интерес для международной лингвистики, и очень важно, чтобы она как можно скорее была переведена на ведущие языки мира.

ПЕТЕР ДОМОКОШ (Ленинград)

Ilse Lehiste, *Consonant Quantity and Phonological Units in Estonian* (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 65), Bloomington, The Hague 1966. V + 73 pp.

The phonology of quantity in standard Estonian has for decades been in the focus of attention of Estonian phonetics and phonology. Nevertheless, the perceptual and objective physical aspects of phonological quantity in Estonian are still not entirely clear and in the case of several problems connected with quantity, phonological theory is compelled to speculate without up-to-date experimental material. In such a situation every experimental investigation carried out with more exacting methods is extremely welcome.

The present review deals with the phonological side of Ilse Lehiste's investigation although the book merits particular appreciation on the part of phoneticians.

Ilse Lehiste's investigation is authoritative proof that there is extensive overlapping of the objective physical durations of consonants in quantities 1 and 2 (and especially in quantities 2 and 3) when they occur after a stressed vowel. In interpreting the concrete realizations of different phonological degrees of quantity it is therefore necessary to take into account extensively the phonological environment (including stress). But phonological theory can proceed beyond the

empiricism of concrete individual cases. In the opinion of the present reviewer this is a situation where phonological theory requires that a distinction should be made between language (*langue*) and speech (*parole*). At the language level, the phonological degrees of quantity are clearly distinguished; at the speech level, the realization of quantity distinctions depends in each concrete case on the conditions of the segmental and supra-segmental environment. The combined influence of these conditions may often result in the objective physical (durational) overlapping of different phonological degrees of quantity.

One of the essential problems of phonology which I. Lehiste endeavours to answer is whether the beginning of a word and the beginning of the second member of a compound word in Estonian are phonetically marked by a different quantity of the word-initial segment. The answer is that the beginning of a word and the beginning of the second member of a compound word may be phonetically marked by the special duration (intermediate between quantities 1 and 2) of the word-initial plosive consonant or